

4. Вердичи Р.
5. Анда о
6. Москва. Геликон-опера
7. Ржев - Бертиман Р.

41-44

"Анда"
Лин. Вердичи

5/5 - 972

"Москва"
"Геликон-опера"

Без склеротических бляшек и провинциальных комплексов

Ржев, май 1997 - Бискокс - 44

П. де Вон и И. фон Дуйсбург в опере "Аида". "Геликон-опера"

ФОТО ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

Уж что-то — а удивлять "Геликон" умеет. "Аида" с участием Полетты де Вон (США) и Иоганна фон Дуйсбурга (Германия) трижды прошла не то чтобы с аншлагом: спектакль каждый раз задерживали из-за слабой пропускной способности дверей. Рассосавшаяся наконец по углам зала среди законно сидящих дипломатов, артистов Большого театра и дошлых критиков толпа простых фанатов не обманулась в предыдущих ожиданиях. Полетта де Вон, идеальная (и внешне) Аида в первом же представлении почти мистически вписалась в геликонский спектакль. По ее впечатлению, приятно петь в театре, пусть и самом маленьком в мире, где чувствуешь себя в гуще событий, а не на какой-то толпе обочины. Покрывавшая Полетту и высокая интеллектуальность постановки.

К третьему, заключительному спектаклю в нашем зритель, наверное, генетически прогнулся помещик-хрестик: всем казалось, что Полетта пела здесь всегда и обязана делать это впрямь. "Теперь все мои певцы начнут подражать ей", — довольно сказал главный режиссер театра Дмитрий Бертман. Де Вон добавила и масштабности, и чисто человеческой переживаемости спектаклю, который в противовес очередному мертворожденному чуду Большого театра заставляет глубоко сострадать знаменитому верховному повелителю трюгану.

Последнее действие шло даже как-то странно: зал обдалею застал, и лишь парочка даже время от времени обмывавшаяся ледяной негритюшкой геликонского зала с его вечными "битками".

Вторым зарубежным участником "Аиды" был Иоганнес фон Дуйсбург (Амстердам), уже выступавший тут в прошлом сезоне. Именно он, когда приглашенная в Москву Полетта позволила ему в сомнениях "хвать" — не хвать? — да еще практически бесплатно, сейчас же ответил: "Хвать, конечно".

"Крупный план" крошечной сцены "Геликона" оказался весьма уютен для обоих гастролеров.

Здесь не спутаешь, как в Большом (проснувшись от стука упавшего с колена бинсиля), Аиду с Аннирис. Кстати, 30 мая в геликонском спектакле стереозвучие Аннирис удачно спела и сыграла Наталья Загоринская, обычно выступающая в роли крошечной Аиды. Это уже само по себе стало событием для завсегдатаев театра. На подмостки были и хор, и оркестр, никак не желавшие ударить в грязь лицом перед гостями. Вадим Запечный в роли Радамеса был, как всегда, страстен и состоял с новоявленной Аидой весьма душещипательный дуэт (ныне он приглашен в Большой на партию Водемона в премьерную "Иоланту").

Впрочем, как ни крути, даже при всей несоизмеримости весовых категорий Большого театра и "Геликона" сравнения все же напрашиваются. Бертман выявляет и укрупняет артистические способности своих певцов до силы воздействия театрального. В Большом же перед нами уже привычно сползают худые фигуры, не объединенные общей ауры. И при постановке такой "массовой" оперы, как "Аида", лучше, наверное, ансамблевая сущность "Геликона", чем пусть даже 120 человек, но расставленные по немыслимой сцене Большого. Танцевальные номера в маленьком театре с большими претензиями все же оригинальны. А в театре Большом, который постепенно перестает претендовать на то что бы то ни было, — убоги до смешного (в духе "Двенадцать негрят пошли купаться в море").

Но и это бы полбеды. Беда в том, что из Большого во страшной силой улетучивается сам дух театра, подразумевающий главное, ради чего пишется музыка: сопереживание героям и, наконец, затаянное дыхание в минуты интимных дуэтов или захватывающих поворотов сюжета.

"Геликон" же со всеми его выкрутасами, старкерскими поисками, но и какой-то уже неприязни, связанной любовью артистов к своим стенам, к своему обязательному режиссеру-диктатору, к своей божественной тусовке, от которой какой же нормальный человек откажется, возвращает зри-

телю свежесть самого импульса, толкнувшего гениального композитора положить на музыку ту или иную историческую или драматическую коллизию.

Понятно, что денежный вопрос испортил нас в последние годы почти квартирного. А потому первый вопрос, с которым все насадили после необычной "Аиды" на Александра Гусева, главу оперного бюро "Госконцерта" и организатора проекта, касался методологии замещения западных певцов на наши нынешние сцены. В самом деле, по его словам, московским театрам мешало приглашать гастролеров, "во первых, отсутствие должных финансов, во-вторых, то, что все тут у нас замкнуто на собственных проблемах".

По иронии судьбы нынешняя "Аида" в "Геликоне" шла в те же дни, что и премьеры в Большом театре. Руководство Большого, однако, никакого интереса к Полетте де Вон не проявило, — сказал Гусев. — Оно вообще ни к чему не проявляет интереса. Кажется, там даже не особо знают, ху из ху в современном оперном мире".

"Геликон" же намерен переодеть на "европейское производство". В частности, Бертман с присущей ему непосредственностью истинно ужасного ребенка заявляет, что "пытается смирять у Запада все, что возможно по технологии". Так, к задуманному им "Сказкам Гофмана" декорации, и притом несомненно, будут изготовлены в Италии. Это обойдется в три раза дешевле, чем в наших мастерских, по старинке работающих с деревом и металлом.

Что же касается сферы ментальности, самым главным отечественным пережитком Бертман считает "сталинский" имидж певца, во что бы то ни стало стремящегося к единоличной власти над людьми. Это качество, к сожалению, просочилось и в советскую школу вокала: большинство старых звезд первой величины учит молодых не владеть всеми мускулами профессии, но быть красивым резонатором, не умеющим в образе действовать на сцене.

Замахи Дмитрия Александровича, пожалуй, беспрецедентны.

Но кажется, что он в союзе с Гусевым нацупал золотую жилу: западным мастерам оперного искусства, отнюдь не являясь, становится важнее крутиться во всем мире, участвовать в самых неожиданных постановках (у московского "Геликона" здесь явный приоритет), в том числе показывать себя пусть и немудрой, зато знающей и благодарной нашей публике. И в большинстве случаев достаточно оплатить им дорогу и гостиницу — главным же для подлинно творческого артиста остается все-таки азарт.

Что нам ждать от "Геликона" далее?

Вернувшись из блатиславских гастролов (туда везут "Пиковую даму"), с 23 по 26 июня театр покажет новую версию "Травиаты".

В начале нового сезона откроется Клуб друзей "Геликона" — они получат особые привилегии при проникновении на аншлаговые спектакли.

850-летии Москвы посвящен спектакль "Царская невеста" — премьеры 6 сентября.

Осенью же "Геликон" открывает Международный оперный центр, и уже в октябре даст концерт и проведет мастер-классы Рената Скотто; идут переговоры с Карло Бергони. Президентом клуба согласился стать Любовь Казарновская (кстати, в следующем сезоне она сплет здесь Виолетту).

18 — 19 октября театр везет на фестиваль русского искусства в лондонский "Куин Елизабет Холл" оперы "Маяра", "Мадалена" и "Тиковая дама".

Итальянская команда во главе с режиссером Антонио ди Бари (Флоренция) будет работать над "Севильским цирюльником".

Зимой французский режиссер Дани Криф поставит "Иоланту". Затем Дэвид Салкин (Англия) — оперетту А. Салливан "Микадо".

В марте Бертман представит собственную версию "Сказок Гофмана" Свендсена. А тем временем продюсерская фирма "Мосфильм Медиа" снимет два фильма-оперы — "Кармен" и "Евгений Онегин".

...Мне почему-то кажется, назвав Бертман смисловидно своей "Геликон" театром-студией, наши музыкальные критики, первая коих обычно так раздразненно скрывают на заднем плане спектакль, что называется, врубился в ситуацию. Но уровень притязаний этого молодого человека, не отягощенного ни склеротическими бляшками, ни провинциальными комплексами, слишком высок. Зная что-то свое, очень для него важное, он слегка смешивается над пишущими снайпами, но внимательно выслушивает их. В отличие от руководителей Большого театра. Тот тоже своего рода упрямый ребенок, но, увы, "терпелив" совсем в другом смысле. Со смехотворным упорством он заявляет о шедеральности каждой следующей провалности постановки, аргументируя это тем, что и у него всегда "биток". И громко клянется критиком как бесчуждственным незнаку, призывая лучше не писать вовсе.

"Геликон" же не желает жить в вакууме, предпочитая рисковать быть публично поротым и снова рисковать. Тут, пожалуй, не смеяться ему конкурентам во всей нашей театральной столице.

Наталья ЗИМЯНИНА